

Ю.М. ШЕВАРЕНКОВА

СВЯТЫНИ СЕРАФИМА САРОВСКОГО В НИЖЕГОРОДСКОМ КРАЕ. КУЛЬТ КАНАВКИ*

В официальной церковной истории России XIX—XX вв. есть немало подвижников, заслуживших своей жизнью, деятельностью и даже мученической смертью за веру право называться святыми русской православной церкви¹. Гораздо меньше среди них тех, чьи имена прочно вошли в *народное сознание*, выдвинуты именно им и организуют вокруг себя *собственное* смысловое поле. Уникальное по отношению к Церкви, это смысловое поле вобрало в себя многие языческие элементы, сохранив приверженность догматическому взгляду на ту или иную личность. Фигура Серафима Саровского (1759—1833) относится именно к той категории русских святых, культ которых подпитывается двумя источниками — Церковью и фольклорной традицией.

Культ Серафима сравнительно поздний: формирование его в народной среде приходится на рубеж XVIII—XIX вв. и первую треть XIX в., когда далеко за пределы Арзамасского у. Нижегородской губ. разошлись истории о целительстве и пророчествах иеромонаха старца Серафима, а вот официально он был канонизирован только в 1903 г., и то после многократных отклонений со стороны Синода.

География культа Серафима обширна, но сконцентрирована в основном на юге и юго-западе Нижегородской обл. В самом общем виде она может быть описана через систему святынь, различных в генетическом, функциональном и фольклорном отношениях, но скрепленных именем святого. Этот условный комплекс представляет и официальную церковную историю края, и сферу так называемого народного бытового православия.

Идея комплексности святынь, приуроченных к имени святого, может быть представлена на нескольких уровнях:

1. В комплекс святынь *культурного происхождения*, основанных Церковью при жизни и в ближайшие десятилетия после

смерти святого, входит несколько женских монастырей и общин, рождение которых было предсказано святым или в появлении которых Серафим принял непосредственное участие. Сам святой в этом контексте может быть осмыслен только по-церковному — как мудрый наставник и провидец.

2. В комплекс святынь *природного происхождения*, имеющих особую соотнесенность друг с другом, закрепляющих культ Серафима за конкретными точками местного пространства и организующих своеобразные «местные приходы» (термин А.А. Панченко)², входят святыне-источники, камни и деревья «чудесного» происхождения. Большинство из них носит имя Серафима и продолжает посмертный культ этого подвижника как святого-врачевателя и бескорыстного помощника страждущих. Каждый из таких культовых объектов может быть рассмотрен в совокупности с другими и самостоятельно.

Всего с именем Серафима связывается порядка десяти родников и два камня-следовика. Культ последних в настоящее время практически не поддерживается: их удаленность от людей (оба находятся в лесу и без местного проводника недоступны) делает невозможным посещение камней даже для того поколения, которое еще 20—30 лет назад являлось их постоянными «прихожанами». Что же касается святынь-источников, материал позволяет представить их расположение в виде центра и периферии.

Центральные, главные родники Серафима находятся в Дивееве и Сарове — крупных православных центрах, уже два столетия живущих культом этого подвижника. Однако со святым источником в Сарове связана особая история. Придание городу статуса секретности и закрытие его в связи с организацией здесь Федерального ядерного центра повлекло за собой «перенесение» святыни, по народным легендам, в новое место — за д. Цыгановка Дивеевского р-на, где она продолжила себя в культе нового источника, доступного и открытого всем.

К периферии серафимовых источников принадлежат родники как Дивеевского, так и других районов юга Нижегородской обл. Показателем их периферийности является малая известность и потому малая посещаемость этих святынь. Их пространственная соотнесенность друг с другом позволяет выявить источники *ближнего* и *дальнего кругов*. Родники *ближнего круга* отличает своеобразная «безликость». Их близкое расположение друг к другу (когда 2—3 источ-

*Работа выполнена при финансовой поддержке научной программы «Фундаментальные исследования высшей школы в области естественных и гуманитарных наук. Университеты России». Проект № 992878, 2000 г.

ника буквально соседствуют друг с другом) способствует возвышению одной святыни и циклизации устных рассказов только вокруг нее. Практически полное отсутствие этиологических и прочих легенд, объясняющих их святость и привязку к имени Преподобного, позволяет говорить о размытости их индивидуального облика. Устная информация об этих источниках сжата в предельно обобщенных поверьях. Возможна их более поздняя привязка и к имени Серафима.

Святые источники *дальнего круга* расширяют географию культа святого на юго-запад области. Удаленное положение от зоны концентрации серафимовых святынь способствует их уникальности и организации ими не просто единого сакрального пространства, формируемого источниками *ближнего круга*, но и собственных «приходов», хотя их номинация не по имени святого, а по местоположению (Рыжевский ключ в с. Рыжево Кулебакского р-на) или по качеству святой воды (Холодный в с. Сар-Майдан Вознесенского р-на) также заставляет предположить «вторичную мифологизацию» этих источников.

3. Кроме того, известны *комплексы святынь природного и культурного происхождения*, локализованных в одном месте и объединенных культурными и пространственными границами монастыря (или осознаваемых находящимися под его непосредственным патронажем). К такого рода сложным комплексам относится Свято-Троице-Серафимо-Дивеевский женский монастырь, духовным наставником которого был старец Серафим и который с тех пор живет культом «батюшки Серафима». Особая значимость этого места для России и всего православного мира не раз подчеркивалась Преподобным, называвшим Дивеево четвертым и последним «уделом Богородицы». В эсхатологических народных и церковных легендах Дивеево осмысливается как некий святой «остров», своего рода «рай» в этом грешном мире, вечная жизнь которого не оборвется и после конца света. Иерархия дивеевских святынь предстает следующим образом.

а) Святыня высшего порядка — *мощи святого*. Уникальность этого феномена заключается в том, что они не относятся ни к святыням природного характера, ни к святыням, к происхождению которых причастен человек. Находясь внутри храма, мощи святых неизбежно организуют внутреннее пространство храма и, подобно иконе, яв-

ляются средством «высокого» общения человека с высшим миром, а само общение с ними осуществляется на расстоянии и контролируется служителями культа. В эсхатологическом поверье о судьбе монастыря, записанном в Дивееве, мощи святого Серафима осмыслены как постепенно оживающие и превращающиеся вновь в живого старца: «Он сейчас, девки, лежит, он обрастает плотью. И когда он обрастет плотью, он вознесется, этот монастырь, в воздух. Только не знаю, когда это будет»³. Вместе с тем они функционируют и как типичная святыня медико-терапевтического характера, определенная так и самим Преподобным: «К мощам подходить надо обязательно... и сказать: "Серафим Саровский, к тебе, как к живому, возьми у меня всю болезнь... помоги"... Он говорит: "Подойдите ко мне, как к живому, я вам помогу"»⁴. И в этом качестве они ближе к такого рода святыне, как могила местного старца, приход к которой мотивируется не ее, условно говоря, «музейным» статусом, а живой потребностью в разрешении жизненных проблем и физических недугов в особенности.

б) *Канавка* как связанная непосредственно с одним из эпизодов жизни Серафима; святыня, не только указанная свыше, но и самим фактом своего физического существования обязанная ему. Поклонение ей выражено культом деревьев и земли.

в) Святыни, лишь косвенным образом входящие в состав «ансамбля святынь» монастыря — это *дивеевские святыне-источники*. Два из них (Александровский и Казанский) происхождением своим и названием обязаны не Серафиму, а основательнице и первой настоятельнице монастыря матушке Александре⁵. Третий же носит двойное название — Иверский или Серафима Саровского. Эти источники находятся за пределами монастыря, их культ не поддерживается официальными монастырскими властями и отвечает лишь духовным запросам простых верующих. Но в самой народной среде эти нецерковные святыни осмыслены как причастные именно к монастырю: «Изпод монастыря идет эта вода... А девичий монастырь, он же поет, и все идет сквозь землю, все сюда»⁶ — и, несмотря на отсутствие в их этиологических легендах связи с Серафимом, к имени этого святого как покровителя и стражника своих святынь: «Он по всем источникам проходит на заре»⁷.

г) Памятные места монастыря, отмечающие вехи его истории, но не обладающие статусом чудотворных культовых святынь.

Это
наиб
мер.
Сар
семь

Г
нов
но и
ма С
друг
ся не
дотв
Кана

К
при
нием
ной
пред
шир
насти
тели
мона
мя за
част
денн
мона

С

рять,
поло
Сера
прин
стын
ной с
что у
посет
по-ра
исхож
книж
ставл
го, Ле
дидак
ческой
женск
религ
ду из
измене
та Кан
ковной
сестр
только
ному р
вечерн
кой), т
не по
«закон
танию
ма раз
этими г

Это могилы настоятельниц монастыря и наиболее известных его личностей (например, юродивой Натальи, блаженной Паши Саровской, предсказавшей судьбу царской семьи и др.).

Представив схематично общую «расстановку» святынь, приуроченных официально или в народной среде к фигуре Серафима Саровского и определив их отношения друг с другом, более подробно остановимся на природных объектах культового чудотворного характера — *деревьях (культ Канавки), родниках и камнях*.

Культ Канавки начал складываться еще при жизни старца и дополнялся под влиянием некоторых событий мирской и церковной жизни Дивеевской обители. Канавка представляет собой замкнутую в кольцо широкую тропу за Троицким Собором монастыря. До закрытия в 1930-х годах обители она проходила по всему периметру монастырской ограды, а в настоящее время занимает только ее часть и даже включает в себя жилые постройки селян, возведенные здесь в период освоения территории монастыря.

С полной уверенностью можно говорить, что Канавка занимает промежуточное положение в системе почитаемых святынь Серафима Саровского, так как одинаково принимаема и церковным причтом, и простыми верующими, являясь местом «двойной сакральности»⁸. Но сразу же уточним, что у этих двух неравнозначных категорий посетителей Канавки и культ ее выражен по-разному. Легенда, повествующая о происхождении этой святыни, едина как для книжной церковной традиции (она представлена в любом варианте Жития святого, Летописи монастыря⁹ и разного рода дидактической, исторической и эсхатологической литературе о святом и опекаемой им женской обители), так и для фольклорной религиозной традиции, цитирующей легенду из «первоисточника» практически без изменений. А вот акциональная часть культа Канавки существенно различается в церковной и народной среде: если дивеевские сестры и послушницы ограничиваются только ее обходом (в одиночку, по собственному разумению, или коллективно после вечернего богослужения и вместе с батюшкой), то народный культ Канавки строится не по житийной легенде, а по языческим «законам» и отсылает нас к древнему почитанию земли и деревьев, представляя весьма разнообразный спектр манипуляций с этими предметами.

Этиологическая легенда повествует о Канавке следующее. Однажды во сне Серафим увидел Богородицу, обходящую Дивеевскую обитель. Рассказав о видении сестрам, он велел им проложить «по стопам» Богоматери канавки. Но наказ не выполнялся. Тогда однажды ночью старец сам начал копать Канавку, и заставшие его за этим монахини помогли ему. «Канавка эта, — говорил Преподобный, — стопочки Божьей Матери. Эта Канавка до небес высока. И как Антихрист придет, везде пройдет, а Канавки этой не перескочит»¹⁰.

В рытье Канавки можно усмотреть отголоски магического ритуала опаживания селения от эпидемий и эпизоотий. Речь, безусловно, идет не о точных совпадениях ритуальных действий, предметов и категорий участников с народным «вариантом» обряда, а об общем типологическом сходстве.

Серафим Саровский особым образом связан с Богородицей: житие святого рассказывает о том, что именно она много раз поддерживала его в болезнях и подвигах. Поэтому и в почитании Канавки наблюдается совмещение культа двух ее божественных основателей: Богородицы, отметившей это место своим присутствием, и Серафима, через посредническую роль которого был явлен сюда визит Пречистой Девы, который материализовал, воплотил в жизнь «идею» ее краткого пребывания здесь и «заповедовал ходить по Канавке»¹¹ современникам и потомкам. Почитаемый участок земли как преобразованные следы священного персонажа — явление нечастое в традиционной культуре, но типологически включенное в ряд таких привычных почитаемых объектов, как камни-следовики, культ которых, правда, не требует вмешательства или дополнительной помощи посредников. Акцентация почитания Канавки именно на образе Богородицы прослеживается в следующем комментарии респондента: «Откуль начинать (идти по Канавке. — Ю. Ш.), 150 раз молитву Богородицы прочтешь и до этого места (откуда начинали. — Ю. Ш.) дойдешь, тебя Божья Мать одиет светлой ризою»¹². Но образ покровы (ризы) Богородицы раскрывается в этом контексте не в привычной для народного религиозного фольклора функции преграды, щита от любого вида зла (от внешних врагов¹³, гнева другого святого¹⁴), а приближен к церковному понятию Преображения и напоминает знаменитый эпизод Преображения Господня: с небес на Христа нисходит Святой

Дух и окутывает Иисуса ризою¹⁵. Как и в Евангелии, в рассказе дивеевской женщины также подчеркнут момент изменения человека (только уже по прохождении святыни), получения им нового статуса и заручения поддержкой высших сил. «По Канавке-то пройдешь и прочтешь 150 раз "Богородицу", тому грех отпустится»¹⁶, — в этом заключается чудотворное воздействие святыни, в метафорическом смысле равное «надеванию» на верующего ризы Богородицы.

Обряд обхода Канавки с молитвою — один из вариантов традиции одно- или трехкратного оползания святого места на коленях или на локтях. Он включает в себя такие ритуально значимые моменты, как обрядовое молчание, запрет оглядываться, пропускать кого-либо вперед себя, совершать обряд в определенное время суток. Возможно, самым известным (и не только в Нижегородском крае) примером этого обычая является оползание или обход (в настоящее время преобладает форма однократного обхода) знаменитого озера Светлояр с затонувшим в нем, по легенде, градом Китежем, которое осуществляется по обету с целью разрешения личных (в основном это касается здоровья) и семейных (отношения с домочадцами, участие в судьбе уже умерших родственников) трудностей¹⁷. По поверьям, и сама Богородица каждую ночь обходит по Канавке свой монастырь. Таким образом, обряд как бы утраивается, поскольку осуществляется на разных уровнях: он производится мифологическим покровителем монастыря и носит явно экстравертный характер, ведь цель его — уберечь и защитить святую обитель от бед; он совершается батюшкой и жительницами монастыря, т.е. может быть рассмотрен как завершение церковной службы и всего прожитого дня; он исполняется простыми верующими и в этом случае имеет исключительно интровертный характер, так как направлен на разрешение индивидуальных жизненных проблем.

Для уяснения статуса Канавки важно учитывать и такое свидетельство верующей: Серафим «говорил, что Божья Матерь Канавку своим поясом опоясала. Канавка до неба высока, и стопочки здесь небесны пошли»¹⁸. Кроме такой детали как «стопочки» Богородицы, этот отрывок интересен упоминанием об опоясывании как магическом окказиональном действии, совершаемом в народной культуре вокруг храма (реже — дома, селения) с продуцирующей, поминальной и защитной целью¹⁹, и поясе, «обладающем способностью защиты от нечистой силы»²⁰. Опоясывание храма в нашем

случае не было совершено в обряде; оно реально только в сонном откровении божественного старца и в религиозной легенде, «запущенной в действие» самим святым. Однако «совершено» опоясывание было с оглядкой на исполнение этого ритуала в народной среде: его цель — оградительная, он осуществлен ночью, с помощью священного предмета и развернут одновременно в горизонтальную и вертикальную плоскости²¹ («до небес высока», «Антихрист... не перескочит»), позволяя видеть в Канавке не просто непреодолимой высоты стену, но и своеобразный купол, защищающий обитель от негативного воздействия нечистой силы.

Итак, можно предположить, что культ Канавки — проекция родственных в типологическом и функциональном отношении ритуалов охранительного и, как это будет показано дальше, медицинского характера. Но такое своеобразное «нанизывание» ритуалов не означает их выраженность в детально разработанной акциональной части культа святыни. В действительности, мы имеем дело не с самими религиозно-языческими обрядами, а с их реминисценцией в словесном «коде» святыни.

Обход Канавки осуществляется, как говорилось, для избавления от грехов. Это действие может сопровождаться дополнительными условиями: человек обходит Канавку с тяжелыми сумками. Чем тяжелее душевная и моральная ноша верующего, тем тяжелее должна быть и ноша в его руках²². Но самой важной целью прихода человека сюда является просьба об исцелении. Выздоровление в рассказах почти всегда описывается как достаточно быстрое: «Я как-то тоже думаю, дай-ка пройду по Канавке. И что ты думаешь? Так хорошо, что куды делось. Как в церкви благодать. Все-таки есть что-то такое, есть»²³. Хотя можно услышать и сомнения: «Я как-то пришла... Пошли все по Канавке монашки. Они быстро пошли, а я почти безжала. У меня прошла голова. Я думаю, подействовал свежий воздух. Может, помогла Канавка?»²⁴.

Небезынтересным будет и такое свидетельство одной местной жительницы: «Богородица как стала угасать, она и пошла здесь. Сначала здесь ничего не было, никакой Канавки, она просто прошла, как по тропинке кругом, а когда умерла, и стали рыть Канавку»²⁵. Параллелью этому поверью служит все то же знаменитое оползание или обход Светлояра: пожилые женщины, посещавшие озеро по обету, готовясь к ритуальному оползанию, просили сесть им на спину детей. Уникальность этого текста не только в представлении о болезни Богома-

тери,
рин н
смерт
рот у
стиан
подтв
ки с н
ся в к
челов
бу пер
контс
веком
рван
ние эт
ствие.

В
ставля
начал
событ
подоп
но хоз
стройс
монаст
мое: «
Высад
сущес
культ
ее возд
С одно
предст
когда
значны
обхода
(реже —
нием» с
го: «Ой
могает,
с молит
одному
реву —
и боли п,
целом,
лизиров
лечении
ционир
«У кого
дому дер
ние Кан
и диффе
ности св
торые и:
оформле
торые из
тivity не
и Преда
рево Все
Страшн
Канавке
схимонах
это ворон

тери, привязке реальной ее судьбы к истории нижегородской святыни и датировке ее смерти столь поздним временем (или наоборот удаление истории Канавки вглубь христианской истории). Этот текст важен как подтверждение мысли о связи культа Канавки с народными обрядами, совершавшимися в кризисные моменты жизни и здоровья человека, но уже проецируемыми на судьбу персонажа Священной Истории. В этом контексте ритуальный обход Канавки человеком представляет собой как бы «разыгрывание религиозного мифа», развертывание этиологической легенды в реальное действие.

В момент устроения Канавки она представляла собой только вырытую тропу, а в начале XX в. была засажена деревьями. Это событие, не имевшее никакой религиозной подоплеки и преследовавшее исключительно хозяйственные и эстетические цели обустройства пустующей территории бывшего монастыря, переосмыслено как необходимое: «Они посажены в честь Богородицы»²⁶. Высадка деревьев имела свои последствия, существенно разнообразив и усложнив культ святыни за счет вовлечения в сферу ее воздействия новых природных объектов. С одной стороны, Канавка демонстрирует представления о ней как о едином целом, когда все деревья осознаются как равнозначные, поэтому и ритуал молитвенного обхода ее сопряжен у простых верующих (реже — у монахинь) с обязательным «общением» с каждым деревом и «лечением» у него: «Ой доченька, хожу я по Канавке. Так помогает, так помогает... Хожу знаешь как — с молитвою, не торопясь, с верою. Эх, то к одному дереву прислонюсь, то к другому деревцу — дюже помогает! Глядишь, и хвори, и боли проходят»²⁷. При этом ни Канавка в целом, ни отдельные ее деревья не специализированы в медицинском отношении на лечении какой-то группы болезней и функционируют как единая «священная роща»: «У кого чего болит, они просят: вот к каждому дереву»²⁸. С другой стороны, поклонение Канавке совмещает наряду с цельным и дифференцированный подход: в совокупности священных деревьев с Канавки некоторые из них выделены и соответственно оформлены ритуально и в поверьях. Некоторые из этих поверий вобрали в себя мотивы не народные, а Священного Писания и Предания: «Самое целебное дерево — дерево Всех Святых. Там Богородица есть и Страшный Суд»²⁹; «Когда на пригорочек на Канавке пойдете, там как ворота. И один схимонах, он очень благочестивый, сказал — это ворота в Гевсиманский сад. И там пруд

(был. — Ю. Ш.), и лебеди плавали, и было все так красиво. А теперь все запущено»³⁰. О происхождении таких поверий именно в среде монастырской или, по крайней мере, в среде «церковных людей» свидетельствуют ссылки рассказчиков на такие достоверные источники, как «один схимонах» и «одна схимонахиня». В поверьях, закрепленных за другими деревьями, отложилась история Дивеевской обители: «Вот там пригорочек есть, мне одна схимонахиня сказала, там всё святая Пашенька Саровская прислонялась»³¹. К этой же категории относилось и недавно спиленное Царское Дерево, называвшееся так потому, что посадил его сам Николай II. Рассказывают³², что однажды это дерево кровоточило; впоследствии выяснилось, что случилось это в момент расстрела царской семьи. Отличительной характеристикой этого дерева являлось и его благоухание, которое напоминало елей и стало особенно явственным после того, как дерево пришлось спилить³³. Есть и несколько безымянных «микросвятынь»: три сросшихся дерева, у которых, по словам верующей, «монашки все приходили, плакали»³⁴, раскидистое дерево, к которому обязательно прикладываются спиной, и дерево, на стволе которого, как считают, заметны «стопочки Богородицы».

Поклонение деревьям с Канавки в медицинских целях включает в себя манипуляции с их корой, ветвями, листьями как непосредственно в святом месте, так и в домашних условиях. На самой Канавке к деревьям прислоняются больной частью тела; съедают кусочек смолы с их коры; умываются и смазывают руки дождевой водой, попавшей в ствол упавшего гнилого дерева. Дома из коры и листьев заваривают чай, сорванные ветки прикладывают к больным местам, изготавливают из щепок нательные кресты. Таким образом, «древесный» культ Канавки — это своеобразное сужение его от представления о «нерасчлененности» этой святыни через выделенность отдельных ее составляющих (конкретных деревьев) к набору «святостей», материализующих силу этого святого места.

А вот «земляной» культ Канавки несколько беднее в силу своей нетрансформированности в эти «частности» (как дерево в кору, листья и др.). Почитание Канавки как святой земли — это набирание «земельки» из-под корней деревьев как для лечебных целей (землю, завернутую в ткань, прикладывают к больному органу), так и для охранных: «Нужно земельки брать, ею дом обсыпать по стеночкам: от ссор, от болезней»³⁵. Монахини, бережно относящиеся к

своей святыне, запрещают брать землю из-под деревьев, чтобы не пострадали их корни: для подобной цели на Канавке отведено специальное место с соответствующей надписью. Такой шаг монастыря можно рассматривать как некую уступку народной традиции, шаг навстречу ей вместо ее искоренения.

Особая избранность и благодать Канавки часто подчеркивалась и Серафимом Саровским: «Кто в Дивеево у меня живет, не для чего ходить ни в Иерусалим, ни в Киев. Пройди по Канавке-то с четочками, прочти полтора раза Богородицу — тут у меня и Иерусалим, и Киев»²⁶.

История серафимовых святынь юга Нижегородской обл. чрезвычайно обширна. Известны ей и святые источники, и камни-следовики²⁷. Благодаря своему разнообразию и достаточно плотной концентрации все они представляют собой уникальное явление в местной религиозной традиции. Святыни Преподобного Серафима продолжают посмертный культ святого, подчеркивая его лекарские способности, реализующие себя через его святую воду, камни и деревья.

Примечания

¹ Вспомним хотя бы недавний шаг Синода, предпринявшего «массовую канонизацию» почти тысячи служителей Церкви, погибших в годы сталинских репрессий.

² Панченко А. А. Народное православие. Святыни Северо-Запада России. СПб., 1998.

³ Ссылки на тексты здесь и далее: Фольклорный архив кафедры русской классической литературы ННГУ. Колл. 62, ед. хр. 11, № 85; 1998 г., Дивеево, от Вилковой П. И., 67 лет.

⁴ Там же, № 1.

⁵ Деписов Л. Житие Преподобного отца нашего Серафима Саровского. М., 1904. С. 145.

⁶ Колл. 62, ед. хр. 11, № 10; 1998 г., Дивеево, от Вилковой П. И.

⁷ Там же, № 89.

⁸ Об этом феномене см.: Культурный ландшафт Русского Севера. М., 1998. С. 79.

⁹ Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря. СПб., 1903. Т. 1. С. 254—256.

¹⁰ Преподобный Серафим Саровский. Житие. Беседа с Мотовиловым. М., 1990. С. 37.

¹¹ Колл. 60, ед. хр. 2, № 53; 1997 г., Дивеево.

¹² Колл. 62, ед. хр. 11, № 83; 1998 г., Дивеево, от Вилковой П. И.

¹³ Нижегородские христианские легенды / Сост., коммент. и вступ. ст. Ю. М. Шеваренковой. Н. Новгород, 1998. № 195.

¹⁴ Коринфский А. А. Народная Русь. Круглый год сказаний, поверий и обычаев русского народа. М., 1995 (1901). С. 329.

¹⁵ Лк. 9: 28—36.

¹⁶ Колл. 60, ед. хр. 2, № 53; 1997 г., Дивеево.

¹⁷ Нижегородские христианские легенды. С. 76—79.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Толстой Н. И. Оползание и опоясывание храма // Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 91—112.

²⁰ Там же. С. 110.

²¹ Ритуал мог совершаться как по земле, так и через церковную крышу.

²² О таком обычае нам в 1999 г. рассказали посетившие Дивеево студенты филологического факультета МГУ.

²³ Колл. 60, ед. хр. 2, № 79; 1996 г., Дивеево, от Хотковой В. Н., 78 лет.

²⁴ Там же, № 75; от З. С.

²⁵ Колл. 62, ед. хр. 11, № 21; 1998 г., Дивеево, от Крючковой З. А., 60 лет.

²⁶ Там же, № 5; от бабушки Феклы, 80 лет.

²⁷ Колл. 60, ед. хр. 2, № 53; 1997 г., Дивеево.

²⁸ Колл. 62, ед. хр. 11, № 5; 1998 г., Дивеево, от бабушки Феклы.

²⁹ Там же, № 45; от Вилковой П. И.

³⁰ Колл. 64, ед. хр. 2, № 73; 1999 г., Дивеевский р-н, д. Цыгановка, от Молощакковой Р., 55 лет.

³¹ Там же. Паша Саровская — дивеевская блаженная, которую во время своего визита в Саров и Дивеево посетил Николай II и которая передала ему запечатанное письмо самого Преподобного, где тот якобы предсказал судьбу последней царской семьи и кровавые перемены в России.

³² Об этом дереве проинформировал нас Павлов М., студент филологического факультета ННГУ.

³³ Возможность спиливания, устранения старых и гнилых деревьев с Канавки отражает иное, чем в народной среде, отношение к своим святыням: не благоговение, а рациональный, хозяйственный подход к оценке состояния здоровья этой небольшой рощицы. В противовес такому отношению, циклы рассказов о чудесных свойствах святых объектов почти всегда включают сюжет о святотатстве и непереносимом наказании за него. Вероятно, «двойная» охрана и уважение (со стороны насельниц монастыря и простых людей) исключает случаи святотатства на Канавке.

³⁴ Колл. 64, ед. хр. 2, № 73; 1999 г., Дивеевский р-н, д. Цыгановка, от Молощакковой Р.

³⁵ Колл. 62, ед. хр. 11, № 45; 1998 г., Дивеево, от местной жительницы.

³⁶ Святой Серафим Саровский чудотворец. Н. Новгород, 1991. С. 82.

³⁷ Нижегородские христианские легенды. С. 35—37; 57—60; 64—65. Экспедиции 1999—2000 гг. значительно пополнили наши материалы по данной теме.